

**Внутреннее положение и военно-политические перспективы СССР
(из рапорта военного атташе Польши в Москве полковника Я. Ковалевского, 22
ноября 1932 г.)**

В связи с переговорами о договоре о согласительной процедуре и подготовкой к ратификации пакта о ненападении наш корреспондент ПАТ по рекомендации миссии устроил завтрак, на который пригласил нас и наиболее выдающихся советских журналистов: Раевского, Радека, Подольского, Братина и пару других.

Имелось в виду зондирование, что они думают о пакте и заявит ли советская пресса о своей позиции в этом деле. В итоге наиболее интересными оказались беседы, фрагменты которых представлены ниже.

Советская сторона (во главе с Радеком и Раевским) прибыла с явно согласованным подходом относительно того, какой тон следует придать беседам. Любопытно, что они первыми не заводили разговора о пакте ненападения, хотя прежде всегда начинали с этого, и сейчас, несомненно, были совершенно *au courant* ведущихся переговоров. Мы держали их в этом состоянии довольно долго, пока, наконец, Радек больше не выдержал и начал говорить, что “как только этот пакт будет ратифицирован, поедем летом на отдых в Польшу в Закопане”. На это я говорю, что в таком случае наверняка вскоре могли бы поехать кататься на лыжах.

Радек отвечает притчей: “Э, видите ли, я когда-то был на скачках. Вижу — приближается конь к препятствию — первый класс! Всадник на нем — как улан. Думаю — отлично прыгнет. Между тем, перед самым препятствием конь неожиданно в бок — и объехал! — Подумал тогда, что в политике то же самое, что на этих скачках. Перед самым препятствием поворот в сторону — и только его и видели”.

В беседах с другими та же самая недоверчивость была еще более выразительна. Мне представляется, что пока это событие не произойдет, до той поры у них нет никакой уверенности. Выискивают какую-то игру с нашей стороны, боятся коварства — до такой степени, что, например, Раевский всерьез интерпретировал назначение вице-министра Шембека как политический шаг, имеющий какое-то глубоко скрытое значение политического характера. Все это, разумеется, проявления мании диалектически-материалистического понимания, которое как метод мышления является неслыханно скользким и доводит до совершенно иррациональных выводов. Имея перед своими глазами простое объяснение, они ищут вокруг так называемое “более глубокое значение”, и, естественно, соотношение фактов утрачивается. В итоге, однако, мы выпили с Радеком “за здоровье ратификации”, в которую они так упорно не хотят верить, пока она не произойдет, что до этого часа ни словом не отзовутся на эту тему в печати.

На протяжении некоторого времени после этого высказываем друг другу взаимные упреки. Я ему указываю на конкубинат с Германией, он безрезультатно пытается приписать нам зависимость от Франции, в которую, хорошо знаю, он сам не слишком верит. Наконец, он не выдерживает и начинает новую мысль. — “Вам нужно видеть, что мы сегодня уже достаточно сильны, чтобы проводить гибкую политику. У нас есть три основных варианта, которые могут рассматриваться в зависимости от польско-советских отношений.

Первый — в том случае, когда Польша вступит в вооруженный конфликт с Германией, Красная Армия мобилизуется и вступает в Польшу.

Второй вариант — Красная Армия мобилизуется только на западном пограничье СССР, но не начинает наступательных действий.

Третий вариант — Красная Армия не мобилизует ни одного человека, не

изменяет дислокации ни одной части на всем западном пограничье”. — Тут вмешивается со смехом Раевский, который некоторое время вслушивался в то, что говорит Радек, и сообщает: “Ну да, зато сразу мобилизуемся на Дальнем Востоке”.

Этот эпизод беседы интересен тем, что все политические концепции Радека всегда и постоянно имеют военную подкладку и окраску. Это вытекает из психологического склада Радека, коминтерновца и бывшего активного троцкиста, который пошел на соглашение с сталинским мирным курсом, но, понимая необходимость “передышки”, считает его временным периодом истории коммунизма.

Дальнейшей иллюстрацией на эту тему является следующий фрагмент беседы с Радеком. Говорим о взаимном польско-советском недоверии а пророс прессы. Я подчеркиваю, что наша недоверчивость базируется на конкретных основаниях, так как, будучи военным специалистом, знакомым с действительным состоянием дел, безо всякого сомнения утверждаю, что Советы являются государством, которое в последние годы вооружается так интенсивно и богато, как ни одно из так называемых “милитаристских государств” Запада. При этом, зная тяжелое финансовое и хозяйственное положение Советов, не могу себе объяснить принесение столь больших и тяжелых жертв делу войны ничем другим, как разрастанием милитаристских амбиций, что всегда небезопасно для соседей.

Радек ничего не отрицает и говорит на это: “Да, это правда. Мы были обязаны вооружиться и подготовить страну на случай войны. Сегодня наша пятилетка — камень на шее государства, ибо она на 70 % опирается на обеспечение хозяйственной самостоятельности на случай войны. Но мы были обязаны это сделать, и сегодня действительно достигли такого результата, но достигли его, индустриализуя страну ценой сокращения до минимума массового потребления. Наш крестьянин и наш рабочий заплатил за это годами недоедания, недоодевания и ничего не отложил из своих скупых заработков. Это усилие было, однако, необходимым, его диктовала политическая необходимость. — К тому же, сегодня мы в плохой ситуации. Коллективизация не удалась. Нужно было сделать по-другому. Двинулись слишком быстро. Вместо того чтобы создать в избранных пунктах показательные колхозы, дать им все необходимое и таким путем привлекать и учить крестьянскую массу новой, выгодной форме сельского хозяйства, у нас взяли и двинули все дело сразу, насильем и моральным принуждением. И вышло плохо, очень плохо. Ныне и в сельском хозяйстве, и в остальных хозяйственных делах положение таково, что мы хотим мира и поэтому так упорно и последовательно к нему стремимся”. <...>

Из того, что говорит Радек, вытекает, что он часто видится с Ворошиловым (он с ним на “ты”, говорит о нем “этот Клим” и очень хвалит Ворошилова за то, что несмотря на свою карьеру от слесаря до комиссара тот совершенно не изменился, остался простым и искренним человеком, а одновременно колоссально вырос в интеллектуальном отношении. Говорит о нем как об организаторском гении, подчеркивает его авторитет и популярность в армии). Полагаю, что они и вправду близко сотрудничают. <...>

Raport attache wojskowego RP w Moskwie pulk. Jana Kowalewskiego do Szefu Oddzialu II Sztabu Glownego gen. Tadeusza Pelczynskiego, Moskwa, 22 listopada 1932 // ЦХИДК. Ф. 308, on. 12, д. 120, л. 65–68.